

МОСКОВСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ЛИТЕРАТУРЫ
2010 ГОД
Дистанционный тур
11 класс

Прочитай рассказ и дай его истолкование, аргументированно и полно отвечая на вопросы:

1. Можно ли причислить этот рассказ к разряду юмористических? А сатирических? Какова, на твой взгляд, природа комического у С.Д. Довлатова?
2. В чем своеобразие решения писателем темы художника (творческой личности) и назначения искусства и как это связано с нравственно-эстетическими исканиями эпохи?
3. Какова роль образа рассказчика в раскрытии авторского взгляда на мир?
4. Прокомментируй функции «чужих» текстов, широко представленных в рассказе.
5. В чем, по-твоему, смысл заглавия?
6. Был ли для тебя неожиданным финал рассказа? Как он помогает раскрыть его художественную идею?

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990)

Жизнь коротка

Левицкий раскрыл глаза и сразу начал припоминать какую-то забытую вчерашнюю метафору... «Полнолуние мятной таблетки...»? «Банановый изгиб полумесяца...»? Что-то в этом роде, хоть и значительнее по духу.

Метафоры являлись ночью, когда он уже лежал в постели. Записывать их маэстро ленился. Раньше они хранились в памяти до утра. Сейчас, как правило, он не без удовольствия забывал их. Упущенный шанс маленького словесного приключения.

Левицкий кинул взгляд на белый, амбулаторного цвета столик. Заметил огромный, дорической конфигурации торт. Начал пересчитывать тонкие витые свечи.

Господи, подумал Левицкий, еще один день рождения.

Эту фразу стоило приберечь для репортеров:

«Господи! Еще один день рождения! Какая приятная неожиданность — семьдесят лет!»

Он представил себе заголовки:

«Русский писатель отмечает семидесятилетие на чужбине». «Книги юбиляра выходят повсюду, за исключением Москвы». И наконец: «О, Господи, еще один день рождения!»...

Левицкий принял душ, оделся. Захватил почту. Жена, видимо, уехала за подарками. Герлинда — нечто среднее между родственницей и прислугой — обняла его. Маэстро прервал ее словами:

— Ты упомянута в завещании.

Это была их старая шутка.

Она спросила:

— Чай или кофе?

— Пожалуй, кофе.

— Какой желаете?

— Коричневый, наверное.

Потом он расслышал:

— Вас ожидает дама.

Быстро спросил:

— Не с косой?

— Привезла вам какую-то редкость. Я думаю — книгу. Сказала — инкунабула.

Левицкий, улыбаясь, произнес:

— De ses mains tombe le livre,

Dans lequel elle n'avait rien lu.

(«Из рук ее выпала непрочитанная книга...»)

Регина Гаспарян сидела в холле больше часа. Правда, ей дали кофе с булочками. Тем не менее, все это было довольно унижительно. Могли бы пригласить в гостиную. Благоговение в ней перемешивалось с обидой.

В сумочке ее лежало нечто, размером чуть поболее миниатюрного дамского браунинга «Элита-16».

Регина Гаспарян происходила из благородной обрусевшей семьи. Отец ее был довольно известным преподавателем училища Штиглица. Будучи армянином, сел по делу космополитов. В пятидесятом году следователь Чуев бил его по физиономии альбомом репродукций Дега.

Мать ее была квалифицированной переводчицей. Знала Кашкина. Встречалась с Ритой Ковалевой. Месяц сопровождала Колдуэлла в его турне по Закавказью. Славилась тяжелым характером и экзотической восточной красотой.

В юности Регина была типичной советской школьницей. Участвовала в самодеятельности. Играла Зою Космодемьянскую. Отец, реабилитированный при Хрущеве, называл ее в шутку «Зойка Комсомодеянская».

Наступила оттепель. В доме известного художника Гаспаряна собирались молодые люди. В основном поэты. Здесь их подкармливали, а главное — терпеливо выслушивали. Среди них выделялись Липский и Брейн.

Все они понемногу ухаживали за красивой, начитанной, стройной Региной. Посвящали ей стихи. В основном, шуточные, юмористические. Брейн писал ей из Сочи в начале Даманского кризиса:

Жди меня, и я вернусь, только очень жди,
Жди, когда наводят грусть желтые вожди...

Наступили семидесятые годы. Оттепель, как любят выражаться эмигрантские журналисты, сменилась заморозками. Лучшие друзья уезжали на Запад.

Регина Гаспарян колебалась очень недолго. У ее мужа-физика была хорошая, так сказать, объективная профессия. Сама Регина окончила иняз. Восьмилетняя дочь ее немного говорила по-английски. У матери были дальние родственники в Чикаго.

Семья начала готовиться к отъезду. И тут у Регины возникла неотступная мысль о Левицком.

Романы Левицкого уже давно циркулировали в самиздате. Его считали крупнейшим русским писателем в изгнании. Его даже упоминала советская литературная энциклопедия. Правда, с использованием бранных эпитетов.

Даже биографию Левицкого все знали. Он был сыном видного меньшевистского деятеля. Окончил Горный институт в Петербурге. Выпустил книгу стихов «Пробуждение», которая давно уже числилась библиографической редкостью. Эмигрировал с родителями в девятнадцатом году. Учился на историко-литературном отделении в Праге. Жил во Франции. Увлекался коллекционированием бабочек. Первый роман напечатал в «Современных записках». Год тренировал боксеров в фабричном районе Парижа. На похоронах Ходасевича избил циничного Георгия Иванова. Причем, буквально на краю могилы.

Гитлера Левицкий ненавидел. Сталина — тем более. Ленина называл «смутьяном в кепочке». Накануне оккупации перебрался в Соединенные Штаты. Перешел на английский язык, который, впрочем, знал с детства. Стал единственным тогда русско-американским прозаиком.

Всю жизнь он ненавидел хамство, антисемитизм и цензуру. Года за три до семидесятилетнего юбилея возненавидел Нобелевский комитет.

Все знали о его чудачествах. О проведенной мелом линии через три комнаты его гостиничного номера в Швейцарии. (Жене и кухарке запрещалось ступать на его территорию.) О многолетнем безнадежном иске против соседа, который чересчур увлекался музыкой Вагнера. О его вечеринках с угощением, изготовленным по древнегреческим рецептам. О его дуэли с химиком Булавенко, усевшимся в подпитии на клавиши рояля. О его знаменитом высказывании: «Где-то в Сибири должна быть художественная литература...»

И так далее.

О его высокомерии ходили легенды. Так же, как и о его недоступности. Что, по существу, одно и то же. Знаменитому швейцарскому писателю, добивавшемуся встречи, Левицкий сказал по телефону:

«Заходите после двух — лет через шесть...»

О чем говорить, если даже знакомство с кухаркой Левицкого почиталось великой удачей...

В общем, Регину Гаспарян спросили:

— Что ты собираешься делать на Западе?

В ответ прозвучало:

— Многое будет зависеть от разговора с Левицким.

Я думаю, она хотела стать писательницей. Суждениям друзей не очень верила. Обращаться к советским знаменитостям не хотела. Ей не давала покоя кем-то сказанная фраза:

«Шапки долой, господа! Перед вами — гений!»

Кто это сказал? Когда? О ком?..

Накануне отъезда Регина позвонила трем знакомым книжным спекулянтам. Первого звали Савелий. Он сказал:

— «Пробуждение» — это, мать,дохлый номер.

— В смысле?

— Вариант типа «я извиняюсь».

— То есть?

— Операция «туши свет».

— Если можно, выражайтесь попроще.

— Товар вне преysкуранта.

— Что это значит?

— Это значит — цены фантастические.

— Например?

— Как говорится — от и до.

— Не понимаю.

— От трех и до пяти. Как у Чуковского.

— От трех и до пяти — что? Сотен?

— Ну.

— А у Чуковского — от двух.

— Так цены же растут...

Регина позвонила другому с фамилией или кличкой — Шмыгло. Он сказал:

— Что это за Левицкий? И что это еще за «Пробуждение»? Не желаете ли Сименона?..

Третий спекулянт ответил:

— Юношеский сборник Левицкого у меня есть. К сожалению, он не продается. Готов обменять его на четырехтомник Мандельштама.

В результате состоялся долгий тройной обмен. Регина достала кому-то заграничный слуховой аппарат. Кого-то устроили по блату в Лесотехническую академию. Кому-то досталось смягчение приговора за вымогательство и шантаж. Еще кому-то — финская облицовочная плитка. На последнем этапе фигурировал четырехтомник Мандельштама. (Под редакцией Филиппова и Струве.)

Через месяц Регина держала перед собой тонкую зеленоватую книжку. Издательство «Гиперборей». Санкт-Петербург. 1916 год. Иван Левицкий. «Пробуждение».

Регина знала, что у самого Левицкого нет этой книги. Об этом шла речь в его знаменитом интервью по «Голосу Америки». Левицкого спросили:

— Ваше отношение к юношеским стихам?

— Они забыты. Это были эскизы моих же последующих романов. Их не существует. Последним экземпляром знаменитый горец растопил буржуйку у себя на даче в Кунцево.

Зимой Регина получила разрешение на выезд. Дальше было всякое. Отвратительная сцена на таможне. Три месяца нищеты в Ладисполе. Душное нью-йоркское лето, кода они с мужем боялись ночью выйти из гостиницы. Первая контора, откуда ее уволили с формулировкой «излишнее рвение». Несколько рассказов в эмигрантской газете, за которые ей уплатили по тридцать долларов. Затем стремительное восхождение мужа — его неожиданно пригласила фирма «Эксон». А значит, собственный домик, поездки в Европу, разговоры о налогах...

Прошло лет шесть. Регина выпустила первую книгу. Она вызвала положительную реакцию. Кстати, одним из рецензентов был я.

Все эти годы она добивалась знакомства с Левицким. Через Гордея Булаховича познакомилась с его восьмидесятилетней кухней. Но к этому времени та успела поссориться со знаменитым родственником. Конкретно, они заспорили — где именно стояла баня в родовом поместье Левицких — Ховрино.

Регина обращалась к Янсону, протоиерею Константину, дочери Зайцева — Ольге Борисовне.

Старый писатель Янсон ответил:

«Левицкий сказал обо мне Эдмунду Уилсону, что я, извините, говно...»

Отец Константин написал ей:

«Левицкий не христианин. Он слишком эгоистичен для этого. Адресочком его, виновен, не располагаю...»

Зайцева-Рейнольдс прислала какой-то берлинский адрес и записку:

«Последний раз я видела этого несносного мальчика в тридцать четвертом году. Мы встретились на премьере “Тангейзера”. Он, помнится, сказал:

— Такое впечатление, что неожиданно запели ожившие картонные доспехи.

С тех пор мы не виделись. Боюсь, что его адрес мог измениться».

И все-таки Регина получила его швейцарский адрес. Как выяснилось, адрес был у издателя Поляка. Регина написала Левицкому короткое письмо. Тот откликнулся буквально через две недели:

«Адрес вы знаете. После шести я работаю. Так что, приходите утром. И, пожалуйста, без цветов, которые имеют обыкновение вянуть. Постскрипtum: не споткнитесь о мои ботинки, которые я ночью выставляю за дверь».

Сидя в холле, Регина задумалась. Почему этот человек живет в отеле? Может быть, ему претит идея собственности? Надо бы задать ему этот вопрос. И еще — что Левицкий думает о Солженицыне? Ведь они такие разные...

— Здравствуйте, Иван Владимирович!

— Мое почтение, — ответил рослый, коротко стриженный господин.

Затем он, не садясь, поинтересовался:

— Выпьете что-нибудь?

— У меня кофе... А вы?

Левицкий улыбнулся и медленно продекламировал:

*Я пью неразбавленный виски,
Пью водку с зернистой икрой,
А друг мой, писатель Левицкий,
Лишь бабочек мучить герой...*

— Это стихи одного моего приятеля.

И затем, после двух секунд молчания:

— Чем, сударыня, могу быть вам полезен?

Регина слегка наклонилась вперед:

— Надо ли говорить, что я ваша давняя поклонница. Особенно ценю «Далекий берег», «Шар», «Происхождение танго». Все это я прочитала еще дома. Риск лишь увеличивал эстетическое наслаждение...

— Да, — кивнул Левицкий, — я знаю. Это что-то вроде Поль де Кока или Мопассана. Читаешь в детстве с риском быть застигнутым... Извините, чем могу служить?

Регина чуть смутилась. Главное, не делать пауз... А он и вправду женоненавистник...

— Я знаю, что у вас сегодня день рождения.

— Спасибо, что напомнили. Еще один день рождения. Приятная неожиданность — семьдесят лет.

Левицкий вдруг перешел на шепот. Глаза его странно округлились:

— Запомните главное, — сказал он, — жизнь коротка...

Регина, преодолев смущение, выговорила:

— Разрешите кое-что преподнести вам... Я надеюсь... Я уверена... Короче — вот...

Левицкий принял маленькую желтую бандероль. Вскрыл ее, достав из кармана маникюрные ножницы. Теперь он держал в руках свою книгу. Старинный шрифт, отклеившийся корешок, тридцать восемь листков ужасной промышленной бумаги.

Он раскрыл шестую страницу. Прочитал заглавие — «Тропинки сна». Вот он, знакомый неграмотный перенос — «смущение». Да еще с непропечатанным хвостиком у «ща».

— О, Господи, — сказал Левицкий, — чудо! Где вы это достали? Я был уверен, что экземпляров не существует. Я разыскивал их по всему миру...

— Возьмите, — сказала Регина, — и еще...

Она достала из сумки рукопись в узком конверте. Левицкий учтиво ждал. Давно разработанным усилием он подавил страдальческую гримасу на лице. Потом спросил:

— Это ваше?

Регина отвечала с должной небрежностью.

— Это мои последние рассказы. Не лучшие, увы. Хотелось бы... Если это возможно... Короче, ваше мнение... Буквально в двух словах...

— Вас интересует письменный отзыв?

— Да, знаете ли, буквально три слова... Независимо от...

— Я пришлю вам открытку.

— Замечательно. Мой адрес на последней странице.

Левицкий привстал:

— А теперь, извините меня. Процедуры.

Звякнув ложечкой, Регина отодвинула чашку. «Мог бы поинтересоваться, где я остановилась...»

Левицкий поцеловал ей руку:

— Спасибо. Боюсь, мои юношеские стихи не заслуживали ваших хлопот.

Он кивнул и направился в сторону лифта. Регина, нервно закуривая, пошла к вертящейся двери.

Левицкий поднялся на третий этаж. У порога своего номера остановился. Вынул из конверта рукопись. Оторвал клочок бумаги с адресом. Сунул его в карман байковых штанов. Приподнял никелированный отвес мусоропровода. Подержал на ладони маленькую книжку и затем торжествующе уронил ее в гулкую черноту. Туда же, задевая стенки мусоропровода, полетела рукопись. Он успел заметить название «Лето в Карлсбаде». Мгновенно родился текст:

«Прочитал ваше теплое ясное “Лето” — дважды. В нем есть ощущение жизни и смерти. А также — предчувствие осени. Поздравляю...»

Он зашел в свой номер. Тотчас позвонил кухарке и сказал:

— Сыграем в акулину?